

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

*Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Россия
Профессор кафедры философии и истории
Доктор философских наук*

*Bashkir State Agricultural University, Ufa, Russia
Department of Philosophy & History
Doctor of Philosophical Sciences, Professor
aistoletov@gmail.com*

СУЩНОСТЬ КРЕАТИВНОСТИ И ЕЁ ТИПЫ

Понятие креативности, интуитивно понятное, если исходить из этимологического значения этого слова, достаточно широко используется в ряде гуманитарных наук, в том числе, в культурологии. Вместе с тем, смысл этого слова не так очевиден, как кажется на первый взгляд. Надо заметить, что довольно часто понятие креативности смешивается с понятием творческого процесса, словно это вещи одного порядка. Но креативность (в отличие от творчества) не процесс, а некая характеристика процесса, особенностей его протекания. С другой стороны, можно рассматривать креативность как «отправную точку», «начало координат» творческого процесса, состояние вдохновения. Кроме того, креативность, если ее соотносить с нахождением в творческом потоке, может иметь различные качественные характеристики, которые оказывают влияние на процесс и его результаты в общем. Поэтому, вероятно, более правильно понимать креативность не как способность, а как некую настроенность, интенциональность. Очевидно, что разные типы человеческой «настроенности» будут обладать различным потенциалом. Представляется необходимым разделение креативности на «интенсивную» и «экстенсивную». Типы креативности отличаются как «диапазоном» настроенности, так и методологией и результатами процесса творчества. Интенсивная креативность стремится к онтологическим основам путем откровения и творению параллельного бытия и реальности. Она идет как бы «внутрь», «вглубь». В этом случае новизна имеет

экзистенциальный характер. Для экстенсивной креативности характерно стремление к расширению своего влияния на эмпирическую реальность путем ее анализа, выявления законов взаимодействия и создания новых вещей: механизмов, машин и т. п., — т. е. к изменению материального мира, созданию материальных ценностей. К сущности креативности применим принцип дополнительности. Ее можно представить как состояние первобытной пустоты, человеческой открытости миру. И в этом смысле креативность есть качество личности, особое состояние субъекта, предваряющее процесс, который мы называем впоследствии творческим. Она предстает как возможность отрыва от существующей структуры в попытке создания новой. Но применительно к самому творческому процессу креативность выступает как качество процесса, определенного рода направленность, интенциональность, подразделяемая нами на интенсивный и экстенсивный типы. Очевидна необходимость сочетания обоих типов креативности. Интенсивная креативность, лежащая в основе восточного типа мышления, и экстенсивная креативность, составляющая основу западного типа мышления, едины, как две стороны одной монеты. Пренебрежение одним из типов приводит к дисбалансу в развитии человека и общества, к сложностям диалога между Востоком и Западом. В конечном итоге, нарушение этого баланса, возможно, составляет одну из главных причин глобальных проблем че-

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

ловчества и многочисленных этнических и религиозных конфликтов.

Ключевые слова: креативность, творчество, креативная индивидуальность, культура.

THE ESSENCE OF CREATIVENESS AND ITS TYPES

The article aims to provide an analysis of certain aspects of creative power. It focuses on the several different approaches to the following questions: who is the bearer of the creative power? What are the main peculiarities of its appearance, formation possibility and methods? Looking at different answers to these questions helps to arrive at conclusion that it is wrong to see creativeness as a certain ability. Rather, creative power might be summarized as a kind of striving or even intentionality which has a wide “range” of cognition and various resulting effects.

It appears to be evident that different types of person’s intentionality will result in different kinds of creativity. Moreover, one can differentiate two kinds of creativeness. An “intensive” creativity which is characteristic for mythological thinking, and extensive creativity, which is a feature of the scientifically oriented consciousness. Intensive creativity strives for ontological foundation by means of Revelation, and creates reality which is not identical with empirical reality. Such creativeness has an existential character, and is directed towards “inside”, “inner depth”. Extensive creativity, on the contrary, strives to analyze empirical reality. In other words, it reveals the laws of the interaction in-between objects in order to change the material world.

The article argues that the intensive creativity is the foundation for the Eastern type of thinking, whereas behind the Western worldview lies the extensive creativity. However, in the final analysis both of them are united as the two sides of the same coin. Disregarding one or another type of creativity leads to a imbalance in both personal and social development.

Key words: Creativity, creativeness, creative individual, culture.

В современный русский язык все шире вторгается термин «креативность», зачастую подменяя собой термин «творчество». Особенно широко это слово используется в прикладных сферах, претендующих на создание технологий, позволяющих человеку стать более творческим, поставить, как говорят, творчество «на поток». Достаточно заглянуть в книжный магазин или интернет, чтобы убедиться в массе психологических пособий по развитию креативности в областях, касающихся торговой, рекламной и управленческой сферы. Удивительно, что совсем иная картина в философии, искусстве, литературе. То ли креативность там развивается автоматически, то ли просто не поддается развитию, то ли креативность

не совпадает с творчеством. Для прояснения отношений между творчеством и креативностью подвергнем анализу виды и интенции творчества и попробуем разобраться в сущности креативности в философском аспекте.

Понятие креативности, интуитивно понятное, если исходить из этимологического значения этого слова, достаточно широко используется в ряде гуманитарных наук. Вместе с тем, смысл этого слова не так очевиден, как кажется на первый взгляд (что, впрочем, свойственно множеству терминов, применяемых в гуманитарных науках).

Большинство случаев употребления и определений оставляют неизменной только одну из сторон смысла понятия, а именно, что креатив-

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

ность есть некоторая способность порождать нечто новое. О том, кто является носителем этой способности, в чем заключаются особенности ее проявления и характеристики, не говоря уже о том, что можно считать новым, о возможности и методах формирования креативности, есть несколько точек зрения, отличающихся порой кардинально.

Например, в психологии под креативностью понимаются творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к продуцированию принципиально новых идей и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора. То есть, это способность, присущая человеческому мышлению, эффективно решать проблемные ситуации, несмотря на недостаточность информации.¹ Соответственно, существуют определенные способы измерения креативности и методы ее развития. Подобным образом рассматривает это понятие К.В. Сергеев в контексте своей теории социальных сетей интересного.²

Вместе с тем, даже в психологии, в области-«первооткрывательнице» проблематики креативности, существует несколько подходов, по-разному понимающих сущность креативности. В общем, выделяют пять групп определений (подходов): гештальтистские (описывающие креативность как разрушение существующего гештальта для построения лучшего), инновационные (ориентированные на оценку креативности по новизне конечного продукта), эстетические или экспрессивные, иногда называемые также личностными

(делающие упор на самовыражении творца), психоаналитические или динамические (описывающие креативность в терминах взаимоотношений Оно, Я и Сверх-Я), проблемные (определяющие креативность через ряд процессов решения задач). Кроме того существует ряд определений, не подходящих к этой классификации. В целом, как отмечают исследователи данного вопроса, уже в 60-е годы XX века было дано более шестидесяти определений креативности, сейчас же их количество уже не поддается подсчету.³

Встречаются и определения креативности как «технологии организации творческого процесса» (бесплодной самой по себе, вне творчества), состоящей в умении оперировать имеющимися ресурсами.⁴ Впрочем, такого рода понимание вполне согласуется со свойственным психологии вообще.

В синергетике креативность рассматривается как свойство неравновесной среды (сложной, нелинейной системы) самоорганизовываться, балансируя на границе порядка и хаоса. Характеристиками креативности выступают флуктуационность, безграничность, ацентрированность и процессуальность.

Как утверждает, например, Е.Н. Князева, «возникновение особого творческого состояния – вдохновения – означает, с синергетической точки зрения, попадание в поле одного из креативных аттракторов»⁵. Наличие таких креативных аттракторов создает определенные «сценарии», направления творческой активности, порождая скрытую преддетерминацию творческого процесса, когда уже в самом начале творческая цель достаточно

¹ См., напр.: «...С позиций зап. психологии термин 'К.' (креативность – А.С.) может использоваться для описания процесса создания чего-то нового в результате осознания пробелов в чело. знании, четкого определения этих дефицитов, поиска решений для их восполнения, формулирования гипотетических решений с их последующей проверкой и донесения до людей конечного продукта.» (Криппнер С. Креативность // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006.)

² Сергеев К.В. «Периферийное знание» в дискурсе креативности: социальные сети интересного // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kreatratia.ru/page.asp?m=1845&id=2013>

³ Подробнее об этом: Торшина К.А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 4. - С. 123-133; Халифаева О.А. Психологические условия развития креативности подростков в учебно-воспитательном процессе. Автореф. ... к. психол.наук. - Астрахань, 2007. - 20 с.

⁴ Цит. по: http://www.elslon.ru/serv_idP_54_idP1_1019_idP2_1134.html

⁵ Князева Е.Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. - М., 1995. - С. 178.

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

жестко задает развитие системы, выбирая из массива вариантов один, наиболее адекватный.

Говоря о «креативном ландшафте» личности как некоем поле (конфигурации внешнего и внутреннего пространств субъекта творчества), она убеждена в его детерминированности спектром структур-аттракторов креативной деятельности, составляющим «распределенную цель», лежащую в будущем состоянии системы: «Креативный ландшафт включает в себя ряд целей и путей, ведущих к ним. Его можно представить себе как некое пространство, в котором в скрытой форме уже имеются все возможные формы движения мысли. Далее происходит выбор одной из этих форм»⁶. Иными словами, «выпрыгнуть» за пределы этого пространства, с точки зрения синергетического подхода, невозможно, и невозможность предсказания поведения данной системы вовсе не говорит о ее свободе. Впрочем, рассмотрение свободы творчества не входит в задачи нашей статьи. Заметим лишь, что креативность в этом понимании связывается с когнитивными процессами, но ограничивать творчество лишь познавательными аспектами означает упрощать его, деформируя его сущность.

Постмодернисты рассматривают креативность в сфере смысла или как характеристику дискурсивности, процесса смыслопорождения. В этом плане делается акцент как на моментах, сходных с синергетическим пониманием креативности, так и на отсутствии семантической центрированности структуры (нарративной свободе), что провозглашается, например, в концепции «смерти автора» (Р. Барт): «Слово – не орудие, не носитель чего-то другого; нам становится все яснее, что это структура; но только лишь писатель (по определению) в структуре слова теряет свою собственную структуру и структуру мира. Такое слово, подвергаясь (бесконечно) обработке, становится как бы сверхсловом, действительность служит ему лишь предлогом (для писателя глагол «писать» – непереход-

ный); слово, следовательно, неспособно объяснять мир, а если оно как будто и объясняет его, то лишь затем, чтобы позднее мир вновь предстал неоднозначным. Всякое объяснение, будучи введено в *произведение* (являющееся продуктом работы), тут же становится двусмысленным, лишь *опосредованно* связанным с реальностью; в итоге литература всегда нереалистична, но именно эта ее нереалистичность позволяет ей часто задавать миру серьезные вопросы, хотя и не напрямую...»⁷ Иначе говоря, если образно рассматривать любую форму творчества как порождение Текста, становится видна неоднозначность этого процесса. Создание новой структуры приводит нас к уничтожению (или постановке под вопрос) предыдущей, а новая, в свою очередь, уже будучи созданной, начинает тут же распадаться, замещаясь порождаемой ей же самой следующей структурой.⁸

Связанный со структурой такого рода творец становится заложником этого процесса: возникая в его ходе и распадаясь одновременно, он впадает в зависимость от смыслопорождения, как условия его (творца и процесса) существования: «...Структуру можно проследить, «протягивать» (как подтягивают спущенную петлю на чулке) во всех ее повторениях и на всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит семантическое высвобождение смысла»⁹. Аналогичные идеи содержатся в кон-

⁶ Князева Е.Н. Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познание. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 233.

⁷ Барт Р. Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. - М. Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - С. 135.

⁸ Заметим, что постмодернизм, приходя к идее деконструкции, понимаемой и как постановка под вопрос классических философских понятий и категорий (истины в том числе), настаивает на сложности взаимоотношений творчества и познания, выводя процесс порождения смысла далеко за рамки объяснения и когнитивных практик, что видно в сравнении синергетической и постмодернистской парадигм.

⁹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

цепциях других представителей постмодерна: безграничности письма (М. Фуко) и ризомы (Ж. Делез и Ф. Гваттари).

Выдвигая концепцию «смерти автора», Р. Барт утверждает бесконечность процесса смыслопорождения, его существование «здесь и сейчас». Поэтому с данной позиции креативность в какой-то степени совпадает с творчеством, поскольку писатель (или «скриптор» в терминологии Барта), имея творческий потенциал, не может его не реализовывать. Креативное состояние письма предполагает уже процесс смыслопорождения. (Правда, здесь возникает другой сакраментальный для теории творчества вопрос о сути и возможности творческой новизны.) Поэтому, с точки зрения концепций постмодернизма, креативность можно определить как некую включенность в процесс письма, «открытость» письму и единству текста в образе читателя, не имеющему конкретной локализации ни в пространстве, ни во времени.

А. Уайтхед связывал креативность с актуализацией потенциальности, полагая, таким образом, что она есть процесс и свойственна любой сущности, скрепляя собой весь универсум: «Процесс творчества является формой единства универсума».¹⁰ Такое понимание вполне согласуется с его пониманием нового и условий инновации. Любое изменение, согласно процессуально понимаемому мирозданию, несет с собой новизну, возникающую в результате упорядочения предшествующего мира: «...Предсуществующий мир... и есть та «реальность», от которой отталкивается творческий процесс. Она представляет собой базисный факт нового события со всеми его соответствиями и несоответствиями, которые будут упорядочены в новом творении»¹¹.

Позиция Уайтхеда тоже, очевидно, близка синергетическому пониманию творчества как пе-

рехода от относительного (детерминированного) хаоса к относительному порядку. Хотя, скорее, в его философской системе не порядок сменяет хаос, а одна форма порядка сменяется другой, один порядок порождает другой порядок.

Наконец, один из представителей искусства, поэт И. Бродский, скептически относясь к «творческим способностям» человека, рассматривал креативность как пассивную способность воспринимать бесконечность универсума, не зависящую в положительном смысле ни от психофизических особенностей, ни от наличия или отсутствия какого бы то ни было опыта: «Понятие «способность» происходит из опыта. Теоретически, чем больше наш опыт, тем увереннее мы можем чувствовать себя в своей способности. На самом деле (в искусстве и, я думаю, в науке) опыт и сопровождающее его знание дела – злейшие враги создателя»¹².

По мнению поэта, креативность, если соотносить ее с другим известным понятием – «творческими способностями», «обозначает не столько качество человеческой деятельности, сколько свойство материала, к которому эта деятельность время от времени прилагается; и возможно, уродство термина в конечном счете оправданно, поскольку он свидетельствует о податливости и уступчивости неодушевленной материи».¹³

Исходя из распространенного положения о том, что Человек является частью и производной Универсума и, вследствие этого, изоморфен ему, И. Бродский «передоверяет» креативность Универсуму, а творцу отводит инструментальную роль. Поэтому «способность творить» образно уподобляется им «зависимости от горизонта», а представление «об удаче или везении художника или ученого отражает, по существу, его близость к воде или, если угодно, к материи»¹⁴.

вступ. ст. Г.К. Косикова. - М. Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - С. 389.

¹⁰ Уайтхед А. Приключения идей // Уайтхед А. Избр. работы по философии. - М.: Прогресс, 1990. - С. 580

¹¹ Там же. С. 612.

¹² Бродский И. Кошачье мяу // Бродский И. Сочинения. Том VI. - СПб.: Пушкинский фонд, 2003. - С. 249.

¹³ Там же. С. 250.

¹⁴ Там же. С. 256.

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

Еще одно, несомненно, общее для столь разных точек зрения качество креативности – это динамичность, процессуальность, «потокость». В этом плане креативность можно сравнить с основами учения Дзэн-буддизма, выводящего человека из рассудочного «равновесия» ради обретения себя в «потоке», в пробуждении «Нерожденного» или, если пользоваться образом Бродского, в близости к материи.¹⁵

Характерно, что современная психология все более активно интересуется восточными учениями, использует восточный опыт в своей теории и практике, начало чему было положено еще К.-Г. Юнгом и поддержано рядом крупных специалистов-психологов.¹⁶ И это оказывает определенное влияние на понимание креативности в современной психологии. Михай Чиксентмихайи, например, ввел в западную психологию концепцию потока (потокостоеяния) – психического состояния, в котором человек полностью включен в то, чем он занимается, что характеризуется деятельным сосредоточением, полным вовлечением и успехом в процессе деятельности.

Безусловно, есть что-то общее между состоянием потока, креативностью и тем, что в дзэн-

буддизме называется «сатори». Это общее можно обозначить разными словами: просветление; выход к истинной реальности; обретение пустоты, что в западном понимании означает достижение естественной легкости и состояния самодетерминации, характерного для творчества.

Надо заметить, что довольно часто понятие креативности смешивается с понятием творческого процесса, словно это вещи одного порядка. Вместе с тем, это, очевидно, не всегда одно и то же, поскольку креативность, на наш взгляд, (в отличие от творчества) не процесс, а некая характеристика процесса, особенностей его протекания. С другой стороны, можно рассматривать креативность как «отправную точку», «начало координат» творческого процесса, состояние вдохновения.

Кроме того, креативность, если ее соотносить с нахождением в творческом потоке, может иметь различные качественные характеристики, которые оказывают влияние на процесс и его результаты в общем. Поэтому, вероятно, более правильно понимать креативность не как способность (в отличие от традиционной психологической точки зрения); разве что понимать под способностью определенный потенциал, возможность. Креативность есть скорее некая направленность, настроенность, интенциональность.

Нам кажется справедливой точка зрения, связывающая творчество с трансценденцией личности. Рассматривая смысловой план личности, В.В.Налимов полагает, что трансценденция как путь преобразования (т.е. самоформирования, «автотворчества») личности – это «выход за пределы ее жесткой смысловой капсулизации»¹⁷. Такой динамизм преобразования порождает представление об иллюзорности личности, которое, например, составляет основу буддизма и даосизма на Востоке. И Налимов называет причину этой иллюзорности: «Иллюзорность личности – в ее спонтанности. Личность – это спонтанность. Спонтанность – это

¹⁵ Сравните, напр.: «Наш «повседневный ум», ежедневный опыт, инстинктивные действия сами по себе не имеют особой ценности или значения. Они обретают их лишь в соотнесенности с Нерожденным, или тем, что я называю Космическим Бессознательным. Ибо Нерожденное является первоисточником всех творческих возможностей.» (Судзуки Д. Лекции о Дзэн-буддизме // Э. Фромм, Д. Судзуки, Р. де Мартино. Дзэн-буддизм и психоанализ/ Пер. с англ. - М.: «Весь мир», 1997. - С. 29)

¹⁶ См., напр.: Фромм Э. Психоанализ и Дзэн-буддизм // Э. Фромм, Д. Судзуки, Р. де Мартино. Дзэн-буддизм и психоанализ/ Пер. с англ. - М.: «Весь Мир», 1997; Мартино Р. де. Человеческая ситуация Дзэн-буддизма // Там же; Уоттс А. Психотерапия. Восток и Запад: Пер. с англ. - М.: «Весь Мир», 1997; Csikszentmihalyi, Mihaly. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper and Row. 1990; Csikszentmihalyi, Mihaly. Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention. New York: Harper Perennial. 1996; Csikszentmihalyi, Mihaly. Finding Flow: The Psychology of Engagement With Everyday Life. Basic Books. 1998.

¹⁷ Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. - М.: Прометей МГПИ им. Ленина, 1989. - С. 210.

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

открытость вселенской потенциальности. Способность попадать в резонанс с ней»¹⁸. Иными словами, креативность мы можем понимать как «разгерметизацию» личности, ее готовность к новому, нахождение в динамичном потоковом состоянии.

Опираясь на фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, можно сказать, что креативность – это открытость личности миру, подобная «открытости Бытия», обнаруживающейся в художественном творении. М. Хайдеггер утверждает: «...Творение никоим образом не воздействует на сущее, бывшее до тех пор, через какие-либо причинные отношения. Действенность творения не состоит в каком-либо воздействии. Она покоится в совершающемся изнутри самого творения преобразовании несокрытости сущего, а это значит – в преобразовании несокрытости бытия».¹⁹

Рассуждая о сущности философии, Хайдеггер, в присущей ему образной манере, усматривает ее в соответствии бытию сущего: «Это соответствие прислушивается к голосу Бытия. То, что вызывает к нам как голос Бытия, располагает наше соответствие... Сущее как таковое располагает речь таким образом, что она настраивается (accorder) на Бытие сущего. Соответствие является настроенным обязательно и всегда, а не лишь иногда и случайно. Оно есть некая настроенность. И только на основе настроенности (disposition) повествование соответствия получает свою точность, свою расположенность. В качестве настроенного и расположенного (als ge-stimmtes und be-stimmtes) соответствие действительно существует в некотором настроении. Тем самым наше поведение так или иначе организовывается»²⁰. Но соответствие бытию сущего, настроенность характерны не только для философии. Тем более что и сам Хайдеггер, например, прокладывает языковой «мост» между философией и поэзией, искусством в целом. Твор-

ческий потенциал присущ каждой сфере человеческой деятельности, хотя очевидно, что «настроенности» философии, искусства и религии близки по характеру в отличие от, например, «настроенности» науки и технической деятельности.

Также очевидно, что разные типы человеческой «настроенности» будут обладать различным потенциалом. Если сравнить, например, мифологическое сознание с научным, то легко (имея ввиду научно-технологические успехи современности) впасть в заблуждение относительно преимущества второго над первым. Но трудно всерьез утверждать, что «золотой век» человечества, порожденный мифологическим сознанием, оказался лишен креативного потенциала в свете того, что мы знаем об искусстве Древней Греции. Ведь и до сих пор мифология тех времен представляет достаточно питательную среду для художника. Возможно, здесь применимо разделение креативности на относительно «интенсивную» (свойственную мифологическому сознанию) и относительно «экстенсивную» (свойственную научно ориентированному сознанию). Они – типы креативности – отличаются как «диапазоном» настроенности, так и методологией и результатами процесса творчества.

Интенсивная креативность стремится к онтологическим основам путем откровения и творению параллельного бытия и реальности, пусть и в ущерб эмпирическому. Она идет как бы «внутрь», «вглубь». В этом случае новизна имеет экзистенциальный характер. Причем, благодаря онтологичности устремлений, в этом типе креативности органично сочетаются гносеологический, эстетический и этический компоненты. В целом, интенсивный тип креативности «работает» в духовной сфере деятельности и основным «продуктом» ее можно назвать духовные ценности.

Для экстенсивной креативности характерно стремление к расширению своего влияния на эмпирическую реальность путем ее анализа, выявления законов взаимодействия и создания новых вещей: механизмов, машин и т.п., – т.е. к изменению материального мира, созданию материальных цен-

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. - М.: «Гнозис», 1993. - С. 102.

²⁰ Хайдеггер М. Что такое философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 120.

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

ностей. Этот тип креативности свойственен прежде всего научно-технической области деятельности. Его преимущества, как и недостатки, связаны с рациональным освоением мира. Основным недостатком этого типа креативности в мировоззренческом плане, думается, можно считать редуцированный онтологический и этический компоненты. «Наука, в дни ее всемогущества, начинает выступать скорее всего как средство овладения миром..., а не как средство раскрытия фундаментального.»²¹

Интенсивная креативность, что можно увидеть на примере дзэн-буддистского учения, отличается тем, что стремится свести сущее и бытие вместе. С экзистенциальной точки зрения, сущее, и это обнаруживается в пограничной ситуации (или в состоянии дзэн), и есть бытие. Этот тип креативности связан с взаимопорождением, неразделенностью бытия-небытия в творческом процессе. Бытие и небытие нераздельны, подобно тому, как сансара нераздельна с нирваной.

Экстенсивная креативность, производящая вещное сущее, разводит его с бытием. Это порождает проблему сущности вещи, а также разноплановость бытия человека и вещи. По существу, экстенсивный тип креативности лишен моральной проблематики именно вследствие своей направленности вовне, на окружающее мироздание, не предполагающее такой проблемы в принципе.

Образно говоря, интенсивная креативность подобна пассивному радару, экстенсивная креативность – активному. В плане интенциональности это означает «широкий» спектр направленности, пассивность (отсутствие конкретного «предмета», вещи, проблемы) в интенсивной креативности и «узкую» направленность на конкретный предмет (проблему), активность в экстенсивной. Т.е. интенсивная креативность синтетична, экстенсивная – аналитична, поэтому в западной культуре, предпочитающей рациональное основание, доминирующим типом является экстенсивный тип креативности и научный подход, а в восточной – интенсивный тип и художественно-религиозный подход,

²¹ Налимов В.В. Указ. соч. С. 212.

что проявляется даже в области искусства, как это прекрасно продемонстрировал Д. Судзуки в одной из своих лекций.²²

В какой-то степени, выделенные нами два типа креативности коррелируют с двумя способами познания (асpekтами опыта), которые выделил Анри Бергсон, размышляя о философской интуиции. По его мысли, взаимодействие сознания с миром возможно «с одной стороны, в виде фактов, которые сопоставляются с другими фактами, повторяются, приблизительно измеряются и, наконец, развертываются в форме раздельной множественности и пространственности, а с другой стороны, в виде взаимопроникновения, представляющего собой чистую длительность, неподвластную закону и мере. В обоих этих случаях опыт означает сознание; но в первом сознание расширяется вовне, экстериоризируясь в отношении к самому себе именно в той мере, в какой оно усматривает вещи, внешние по отношению друг к другу; во втором оно возвращается к себе, вновь овладевает собой и углубляется в себя»²³.

Ряд исследований говорит о том, что в истории развития человечества чередуются этапы доминирования интенсивной и экстенсивной креативности. Как утверждает, например, С. Арутюнов в монографии «Народы и культура. Развитие и взаимодействие», «первый, палеолитический период роста человечества был периодом интенсивного духовного, но сравнительно скромного материального роста; второй период, от неолитической революции до революции нынешней, компьютерной, был временем бурного роста материальных сил, при довольно скромном по сравнению с ними духовном росте. Третий период, на пороге которого мы находимся сейчас, должен ознаменоваться если не прекращением, то резким замедлением матери-

²² Судзуки Д. Лекции о дзэн-буддизме // Фромм Э., Судзуки Д., Мартино Р. де. Дзэн-буддизм и психоанализ/ Пер. с англ. = М.: «Весь мир», 1997. - С. 6-11.

²³ Бергсон А. Философская интуиция // Путь в философию. Антология. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 214-215.

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types |

ального роста и переключением всех созидательных сил на интенсивное духовное развитие»²⁴.

Но кроме диахронического процесса смены доминирования креативных характеристик культуры, есть и синхронический, проявляющийся в соотношенности креативных характеристик глобальным условно культурно-географическим образованиям. Так, рассматривая общие психологические особенности восточного мышления, К.-Г. Юнг заметил, что «... интроверсия, если так можно выразиться, это стиль Востока, его постоянный коллективный склад; экстраверсия же – стиль Запада»²⁵. Т.е. восточная мысль направлена, по преимуществу, «вовнутрь» человека, западная же – на мир, человека окружающий. Поэтому, не соотнося жестко типы креативности со стилями мышления и психологическими особенностями, можно заметить, что для западной культуры характерно доминирование экстенсивной креативности, а для восточной – интенсивной. В этом же ключе о своеобразном диалектическом противоречии-противостоянии Запада и Востока говорит и один из западных исследователей философии творчества Дейвид Ли Миллер. Он называет это противостояние напряжением между «западной парадигмой теоретического разума, определенной формы и законченной действительности» и «метaparadигмой» философии творчества, сохранявшейся в восточных учениях, возрожденной на Западе Д. Юмом и получившей широкое распространение в рамках философских направлений XX века.²⁶

Несомненно, что оба типа креативности взаимозависимы. Для человеческого существования необходим баланс между ними, и развитие в одном направлении должно «закольцовываться»

другим. Возможно, поэтому западный путь развития концентрируется на науке и технике, достигая к Новому времени в этих областях невиданных для Востока высот. Хотя начало античной философской мысли было положено обращением к проблеме первоначал бытия. И в лице лучших своих представителей современная научная мысль «возвращается» к осмыслению онтологических оснований. Современный практический мир концентрируется на инструментальной стороне творчества, предавая забвению его трансцендентный, онтологический «вектор», уходящий в область архетипического, неосознаваемого. Ограничение творческой мощи рамками «производства», оформления сущего выхолащивает ее – творчества – сущность.²⁷ И это происходит вследствие склонения «чаши весов» ко все возрастающей экстенсификации человеческой креативности. Замыканию человека в границах сущего противостоит интенсивный тип креативности, являющийся своеобразным катализатором экстенсивной при условии их соединения.

Возможно, сочетание обоих типов креативности является одной из причин того, что сегодня «интенсивная» и «интровертная» восточная культура, если рассматривать, например, Японию, Южную Корею, Тайвань, в техническом отношении не только «догнала» западную, но по ряду параметров и превзошла. Именно обогащение западного опыта восточным в области инженерно-технического творчества, приоритет «пути» перед «целью», характерные для Востока, являются одной из основ их технологического «взрыва».

Необходимость сочетания обоих типов креативности бесспорна. Интенсивная креативность, лежащая в основе восточного типа мышления, и экстенсивная креативность, составляющая основу западного типа мышления, едины, как две стороны одной монеты. Пренебрежение одним из типов приводит к дисбалансу в развитии человека

²⁴ Цит. по: Левин В.И. Библиографический репортаж из каменного века // Человек. 2006. № 1. С. 52.

²⁵ Юнг К.-Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге Великого освобождения» // Юнг К.-Г. О психологии восточных религий и философий. - М.: Московский философский фонд, «Медиум», 1994. - С. 101.

²⁶ Miller, David Lee. Philosophy of Creativity. American university studies, v. 60. - New York: P. Lang, 1989. - 193 p.

²⁷ Сходные положения выдвигаются в работе: Пронкин Д.Д., Пронкина С.В. Одиссея творчества: К бытийности сущего через осуществление бытия. - СПб.: Алетейя, 2005. - С. 167.

Анатолий Игоревич СТОЛЕТОВ / Anatoly Igorevich STOLETOV

| Сущность креативности и её типы / The essence of creativeness and its types|

и общества, к невозможности диалога между Востоком и Западом. В конечном итоге, нарушение этого баланса, возможно, составляет главную причину глобальных проблем человечества и многочисленных этнических и религиозных конфликтов.

Может показаться, что интенсивная креативность свойственна процессам, которые не могут считаться творческими, поскольку, обращаясь к первобытию, по определению не могут иметь результатом новизну в отличие от, например, технического творчества, создающего небывалые артефакты инженерных изобретений. Но следует заметить, что, с одной стороны, интенсивная креативность реализует процесс самопорождения человеческой личности, уникальной, неповторимой, а значит, поистине новой. С другой стороны, процессы духовного творчества затрагивают те уровни бытия, которые характеризуются несамостоятельностью.²⁸ Поэтому когда мы говорим о состоянии «все во всем», единстве с универсумом, возникающем в процессе творчества, невозможно отрицать вечную новизну бесконечного, несмотря на

его предсуществование. В этом смысле каждый акт восприятия-сотворчества-сопереживания бытийной полноты обоснован, происходит «из ничего», вопреки наличию предшествующей реальности событий, не являясь их перекомпоновкой или переупорядочиванием.

Исходя из вышесказанного, креативность подвержена принципу дополнительности. Ее можно представить (понимая всю сложность соотношения восточного и западного подходов и терминологических аппаратов) как состояние первобытийной пустоты, человеческой открытости миру. И в этом смысле креативность есть качество личности, особое состояние субъекта, предваряющее процесс, который мы называем впоследствии творческим. Она предстает как возможность отрыва от существующей структуры в попытке создания новой.

Но применительно к самому творческому процессу креативность выступает как качество процесса, определенного рода направленность, интенциональность, подразделяемая нами на интенсивный и экстенсивный типы.

²⁸ В этом плане наша концепция типов креативности опирается на концепцию строения Универсума, выдвинутую В.Н. Финогентовым. Подробнее о ней см., напр.: Финогентов В.Н. Время, бытие, человек. - Уфа: БГУ, 1992; Финогентов В.Н. Философия: Учебное пособие – Уфа: УТИС. , 2001.

